

Кн. обозрение. — 1994. — 8 нояб. — с. 16

БЕСЕДЫ ПО ТЕЛЕФОНУ

Она — звезда. Словно звездная пыль, вьется за нею слава, складываясь в мерцающие названия: «Чужая родня», «Простая история», «Председатель», «Женитьба Бальзамина», «Русское поле»... А еще — «Бриллиантовая рука», «Вокзал для двоих», «Тридцать три»... Читатели догадались, что речь идет о народной артистке (СССР) НОННЕ МОРДЮКОВОЙ. Прослышав о подготовленной книге актрисы, мы решили позвонить и узнать подробности. Однако после некоторых переговоров с Нонной Викторовной пришли к консенсусу: дабы не сглазить, пока о книге не говорить — подождать ее выхода. Но чтобы звонок не остался холостым, побеседовать о том, о сем, то есть о жизни. А жизнь — это книга: для кого-то прочитанная, для кого-то еще нет...

— Нонна Викторовна, как вы читаете книги?

— Как вам сказать, я читаю по-дикому: открыта одна книга, на ней лежит вторая, а сверху может быть «Московский комсомолец». В данном случае читаю Набокова — про этого несчастного Цинциннатика, тюрьму, то се...

— Что это вы запоздало принялись за «Приглашение на казнь»?

— Я читаю по рекомендации. Я не могу ориентироваться в океане книг. Даже если меня везут на книжную базу, обязательно еду с каким-нибудь знакомым: сценаристом, литератором — чтобы сориентироваться... Сперва я Набокова не полюбила (когда прочитала биографию), думала: что он может писать, такой богатенький? Что хочет — пишет, что хочет — печатает!.. А потом втянулась. Потом прочитала его сборничек о шахматах. Это меня и затравило. Потом стала читать про этого Цинциннатика, больше ничего из Набокова мне не попадалось. Где его взять, я не знала. Еще люблю Лермонтова.

— Что же вы читаете лермонтовское?

— Все! У меня пожелтевшая книжка — еще со времен института. Открыла — и, действительно, заколебалась: гений! Кто из них лучше — Пушкин или Лермонтов — не надо сравнивать! Просто — равные гении.

А вообще-то мою библиотечку даже стыдно показывать: она вся разрозненная, книжки достались по случаю... И знаете, что я заметила: когда читаешь в зрелом возрасте, внемлешь глубже, особенно, если при первоначальном чтении что-нибудь пропустил. У меня нет, к сожалению (а, может быть, это и хорошо!) грамотного, академического чтения. Иногда брошу — и полтора месяца ничего не читаю. Только газеты.

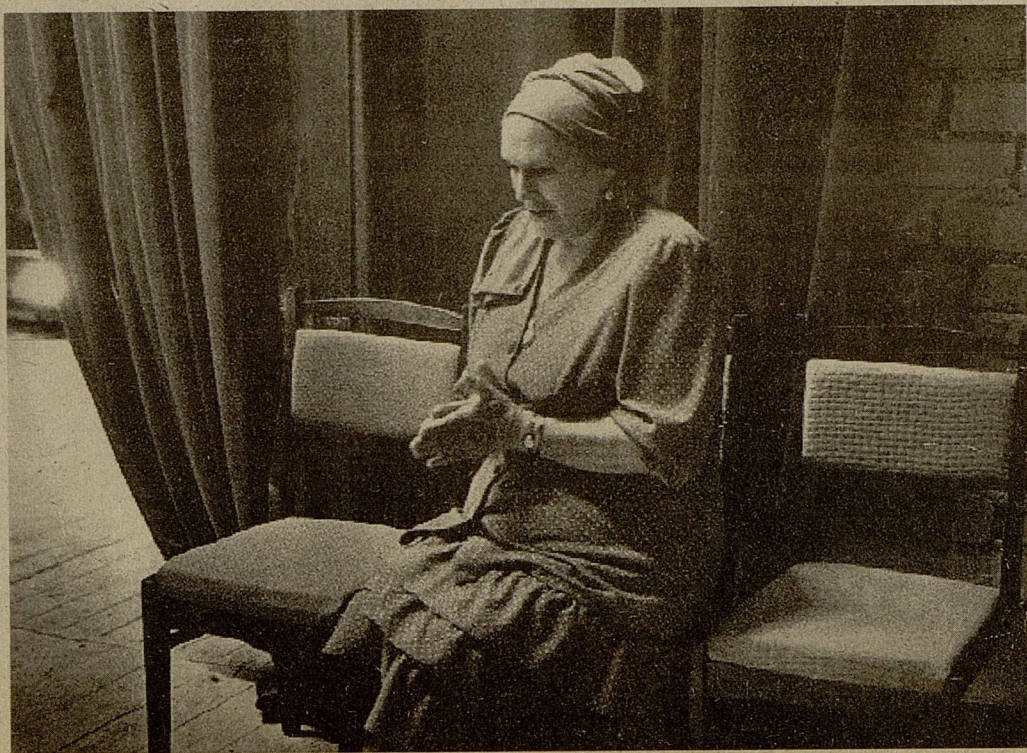
— И как обходитесь без книг?

— Газетами обхожусь. Снимаюсь. Концерты... Гроши зарабатываю.

— Зарабатывается?

— Когда-то мы выступали за одиннадцать рублей 50 копеек — за 25 лет мы отдали силы. Сейчас 300 тысяч платят за выступление — сил нэма! Едешь на концерт, зажурившись, думаешь: надо зарабатывать на хлеб с маслом...

Нонна МОРДЮКОВА: «МОЙ САМЫЙ ГРАНДИОЗНЫЙ РОМАН — ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ...»

— Вернемся от хлеба с маслом — к пище духовной. Какая книга оказала на актрису Нонну Мордюкову сильнейшее влияние?

— Я вам так скажу: третьесортная литература. В войну мы оказались на оккупированной территории: наша мама, чтобы спасти от немцев скот (они все пытались забрать с собою в Германию), прятала его в несложной кукурузе — до прихода наших. Однажды вечером мама сходилась куда-то пешком за восемь километров к учительнице, принесла три книги: «Грач — птица весенняя» (кажется, женщина ее написала), «Кочубей» и «Анна Каренина». И вот, чтобы забавить женщин, прятанных вместе с ней скот от немцев, по вечерам читала вслух эти книжки. Потом, во взрослом состоянии, я перечитала книжку «Грач — птица весенняя» и подумала: «Боже мой, какая примитивенькая книжечка!» Так с пятнадцатилетнего возраста я полюбила книжки. Поздно. В хороших, культурных и богатых семьях детей раньше приучали к книге. Да где их было взять?.. Потом шли годы. Поступила в институт — и начала читать рьяно.

Мой самый грандиозный роман — это Лев Николаевич Толстой. Я все прочитала у него. Это моя вечная любовь. Я знаю о нем все. Раньше я думала: изыскания делают так — надевают галстук, пиджак и идут в архивы изыскивать. А теперь поняла: читающие люди сами расшифровывают, какую фразу и почему сказала дочь Толстого — Александра, прощаясь с Россией. Все прочитанное делишь, помножаешь — и смотришь: сам сделал открытие!

— А какое открытие сделали вы?

— Это святое открытие и о нем долго рассказывать.

— А в своей выходящей книжке вы рассказываете об этом открытии?

— Нет. Братся за это — зна-

чит брать на себя слишком много. Я наслаждаюсь Толстым. Вот приходит ко мне старенькая моя подруга, раздевается... Я говорю ей словами Льва Николаевича:

— Умираем, Марья Александровна?

— Умираем, душечка Лев Николаевич!

— Хорошо умираем?

— Хорошо умираем, душечка Лев Николаевич!..

А еще я высоко ценю Диккенса. Это грандиозно, невозможно. Диккенс равен Достоевскому. Даже не равен — он другой, но по подробностям, по деталям — сильнейший писатель! Правда, с Диккенсом у меня плоховато получается: ничего нет! Кто-нибудь даст прочитать, потом отбирает... А чтобы читать подолгу — как Лермонтова: открыл, прочитал, успокоился — не получается!

— Нонна Викторовна, вы сейчас так поэтически говорили о Толстом, Диккенсе... А сами пробовали писать стихи?

— Конечно, пробовала.

— Небось, о любви?

— Мне мальчик один нравился. У него были голубые глаза. Вот я и писала, мол, твои глаза с васильками бы смешались и исчезли бы тотчас...

То есть, везде можно глаза его найти, но если кинешься в поле — не найдешь. Чувствую, конечно, но все прошло через стихи. Это эмоциональная потребность, особенно в подростковом возрасте.

— Какую бы книгу сейчас было полезно прочитать всей России?

— Шолохова. Я его очень ценю. Хорошая книга «Тихий Дон». Еще я посоветовала бы прочитать Виктора Астафьева — «Пастух и пастушка» и все его другие книги: про Царь-рыбу, про детство его, как он мотком свою мачеху ударил... Человек, каким бы он ни был бедным, — если от Природы он наделен талантами, — самый богатый на земле. Это ничего,

что ест лук с хлебом — ничего! Он выкарабкивается. Новое существо заворобилось на земле.

Я с Виктором Астафьевым знакома, была у него дома под Красноярском. — Боже мой, — говорила ему при встрече, — как же я не написала вам, когда прочитала о том, как вашего мертвого героя везли через всю Россию вместе с баками для бинтов и хозяйственным мылом... Как же я забыла вам об этом написать! А он мне говорит: «Нонна Викторовна, высказаться в лицо автору — великое благо, — и засмеялся. — Раз вы мне рассказали о своем отношении к книге, значит, вам повезло! А нам повезло, что мы можем поговорить с вами о ваших ролях...»

Или как-то написал Дмитрий Сергеевич Лихачев, что Лев Николаевич Толстой был не аристократ. Эх, как я села за письмо: «Как вы так могли сказать! Если бы Толстой поехал в Германию за премией, он был бы там первым аристократом!» А он мне так хорошо ответил: Нонна Викторовна, может быть, вы не совсем хорошо понимаете, что такое аристократизм... Аристократизм — это форма. Ваша форма в ваших ролях и есть аристократизм. Вы и есть аристократка.

— Один писатель шутил, что аристократизм — понятие условное. Только у слонов вся белая кость наружу торчит.

— Меня порой заносит. Я люблю об этом говорить.

Вообще-то с детства я выписывала все интересное: слово ли, случай ли, характер человеческий... У меня таких бумажек скопилось с три короба. Я использовала их в ролях. Меня хвалили за роли, но я не говорила, что это — мои наблюдения. Если человек увидит хороший, добротный, красивый гвоздь, — он его обязательно поднимет. Неизвестно зачем. Так вот и я со своими записями.

Мне понравилась новая стезя: писать. Если моя книга хоро-

шо пойдет у читателя, я никуда не денусь от писательской профессии. Я убедилась, что вместе со мной родился неведомый доселе способ писать: если человек переполнен, перегружен впечатлениями, он обязательно, как яблоки из запясухи, выпестит их на стол. Я пишу (не пользуясь никаким техническим секретарем), потом монтирую, перепиываю — чтобы машинистка разобралась. Этот способ, по-моему, имеет больше достоинств, чем у тех, кто пять лет с кейсами ходит, а жизни не любит, людей не понимает — ни простых, ни сложных. Можно и два раза Литературный институт закончить... У меня температура повышается, когда я пишу. Значит, другого способа писать у меня нет. Меня никто не научил быть писателем. А редакторы книжки мои даже не правят. Говорю им: «Не трудно с вами... Приношу — а вы публикуете. И все я с вами молчком разговариваю»... Голову опустят и молчат. Значит, мой способ оправдывает себя. Если ты, как собака, зажигаешься, как танк или ракета летишь душой, то оно само напывается. А редакторы говорят: «Нужно двигать, но не трогать».

— Выдайте тайну: как назвали книжку?

— «Не плачь, казачка». Там есть одна главка — так называется. На обложке будет мой портрет — в роли казачки.

— Где она выходит?

— В журнале «Октябрь». Они теперь раздухарились. Сначала я прочитала в журнале про Ивана Грозного: главный напечатал. Как учебник — поучительно. Я сильно историческое не люблю. Кстати, мне все время говорят: «Что ты не сыграла Екатерину Вторую?»

— Кстати, почему же вы не сыграли императрицу?

— Так про нее нет материала интересного. Нету затравки. Прочитала ее пьесы. Они в «Ленинке» есть. Буза полная. Алкоголичка она называет Выпивайкиной...

— Мордюкова в роли Екатерины Второй — была бы событием в театральной жизни.

— Не хочу. Я уже не того возраста.

— Наш эмигрант Дон Аминадо писал: в нормальной женской биографии до тридцати лет — хронология, после тридцати — мифология...

— И нету затравки. Вот вы бы хотели Крупскую играть?

— Нет, не хотел бы. И не смог.

— В истории не даны материалы о них. И Ленина не дано никому сыграть. Актеры все выдумывали, играя его...

Ну, а о книжке будем говорить, когда она выйдет. Надеюсь, она выйдет: очень много писем приходит с просьбой выпустить ее.

— Сейчас мы опубликуем беседу с вами — и на «КО» обрушатся письма читателей — раскритикуют поподробнее...

— Не отвечайте...

— Для нас читатель, как для вас зритель: святое.

— Тогда напишите, что в конце года книга обязательно выйдет. Ждать осталось немного.

Звонил
Александр ЩУПЛОВ.

ОТ РЕДАКЦИИ: Если кто-нибудь из наших читателей, поклонников таланта Нонны Мордюковой, захочет сделать ей подарок и преподнести книги Чарльза Диккенса, просим направлять в отдел художественной литературы, искусства и науки «Книжного обозрения».

8.11.94
Мордюкова Нонна